

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 100-116
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.100

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Problem of Periodization of the end of the Middle Ages – Modern Times in the North Caucasus

Sergey L. Dudarev ^{a, *}

^aArmavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The transition from the Middle Ages to modern times in the North Caucasus is one of the least developed topics in regional history. Started by archaeologists in the mid-1970s the discussion of the problem of the end of the local late Middle Ages and the beginning of a new history did not receive further continuation. The presented analysis allows us to outline the criteria of the new era in the North Caucasus region, including not only economic and political, but also socio-mental parameters. These include, respectively: taking into account the degree of dynamics of commodity-money relations, overcoming political disunity, inclusion in Russian state structures, subordination to the imperial state orders (or the creation of their own state structures and institutions), the dominance of patriarchal liberties, values and a religious view of the world, the emergence among the mountaineers of the intelligentsia of the European type, etc. The author suggests the following chronological framework of the late Middle Ages – modern times in the North Caucasus: late 18th – early 19th centuries. – the end of the medieval era in the North Caucasus; end of the first third of the 19th century – 1860-1870s – the transition period from the Middle Ages to modern times in the history of the North Caucasian peoples: the turn of the 1860-1870s. – 1917 – a period of actually new history among the mountain peoples of the North Caucasus.

Keywords: the problem of periodization of the end of the Middle Ages - modern times in the North Caucasus, the integration of the mountaineers into Russia, the imamate "modernization", the Russian modernization project, russianness.

1. Введение

Актуальность данной работы заключается в том, что на современном этапе исторических исследований отсутствуют изыскания, в которых разрабатывается проблема перехода от Средних веков к Новому времени на Северном Кавказе и периодизация конца Средневековья и собственно Нового времени в регионе. Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении особенностей данного перехода в горских социумах Северного Кавказа, который сопровождался важными и серьезными подвижками в социально-экономическом, политическом и духовном развитии народов региона, а также фиксации временных рамок завершения Средних веков и перехода к собственно эпохе Нового времени для автохтонов региона. Задачи же включают в себя установление критериальных пороговых признаков переходной эпохи от Средних веков к Новому времени и Нового времени как такового с точки зрения социальных, экономических, политических, культурных, ментальных составляющих данного процесса, а также хронологии рассматриваемого отрезка времени. Представленный ниже анализ позволит лучше уяснить суть тех судьбоносных перемен, которые происходили в горских обществах, играя роль важных эпохальных вех, особенно в связи с происходившей в тот период интеграцией в состав Российского государства, определить степень влияния последней на исторические

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

трансформации у горских народов при переходе от одной исторической стадии к другой и знаменовавшие наступление нового этапа в истории Северного Кавказа.

2. Материалы и методы

При написании статьи использовались документы российской внешней и внутренней политики (Кавказский вектор..., 2014; Записка князя Г.Р. Эристова..., 2015: 207-215), наблюдения, оставленные европейскими визитерами, посещавшими Кавказ в XVIII–XIX вв. (Кавказ: европейские дневники..., 2011: 75-301; Лапинский, 1995; Белл Дж., 2007), произведения российских авторов, военных и гражданских, близко знакомых с кавказской действительностью (Буш, 1905; Фадеев, 2003: 33-111; Отношение командующего войсками..., 2005: 350-354; Сталь, 2011: 81-144; Стреллок, 2011; Вердеревский, 2013: 155-339; Кавказский офицер, 2011: 24-45), мемуары горцев, получивших российское образование (Амиров Г.-М., 1873), материалы российской прессы (газета «Кавказ») (Кавказ, 1848а; Кавказ, 1848b), документы, связанные с деятельностью и личностью имама Шамиля (Дневник полковника Руновского..., 1904: 1395-1527), нумизматические материалы указанного периода (Виноградов, 2008: 95-102) и др.

Общенаучные принципы, применяемые при написании статьи, – историзм и объективность. С опорой на принцип историзма переход от Средних веков к Новому времени и наступление данной эпохи исследуются через призму тех или иных социально-экономических, политических и ментальных реалий Северного Кавказа конца XVIII – начала XX вв. Исходя из принципа научной объективности выполняется анализ источников, используемых автором и содержащих указания на маркерные изменения в социо-политической, экономической и духовной действительности у населения региона.

Методы, примененные в процессе написания статьи, – анализ источников, историко-сравнительный, историко-генетический, метод периодизации. Метод анализа источников дает возможность предоставить характеристику ведущих черт социо-экономического быта и культуры северокавказцев. Историко-сравнительный и историко-генетический методы позволяют проследить конкретные и в то же время эпохальные изменения, указывающие на серьезные сдвиги в эволюции общества, хозяйства, духовной сферы у разных народов северокавказского региона. Метод периодизации способствует установлению последовательности, этапности, смены историко-культурной и социально-экономической обстановки в северокавказских обществах на обозначенном выше временном отрезке.

3. Обсуждение

Как ни парадоксально, но в теоретическом отношении проблему, указанную в заголовке данной работы, поставили не собственно историки, а археологи. Еще в середине 1970-х гг. В.И. Марковин поднял вопрос о необходимости выработки более четких терминологических подходов к средневековой хронологии Северного Кавказа и употреблению самого этого термина применительно к местной истории, осознавая, что «окончание фазы позднего Средневековья для разных частей Кавказа (с разным населением и различной их социально-экономической характеристикой) будет приходиться на разное время...» (Марковин, 1976: 15). При этом ученый, в частности, сослался на интересный опыт В.Х. Тменова, который, стремясь определиться с гранью, завершающей Средние века, писал о том, что обрушение вековых устоев горского общества и приобщение его к новому социально-экономическому устройству совершалось в ходе ожесточенной борьбы против реакционной сущности политики царизма и утверждения самодержавно-крепостнических порядков. Поэтому представляется справедливым заключить северокавказскую позднесредневековую эпоху началом Кавказской войны под руководством Шамиля, т.е. *концом первой трети XIX в.* (курсив наш – Авт.)» (Марковин, 1976: 14).

В.И. Марковин не согласился с той хронологической гранью, которую предложил В.Х. Тменов в качестве завершения средневековой эпохи на Северном Кавказе, посчитав ее явно спорной. Он указал, что борьба горцев с «русской военной машиной резко переломила вековые устои горского быта (кстати, менее всего это коснулось осетин)», но одновременно указал на то, что такой надлом начался еще при первых имамах. В.И. Марковин не без оснований посчитал, что в основу отделения Средних веков от Нового времени должны быть положены более определенные основания социально-экономического характера. В то же время ученый сам допустил две неточности. Начало имамата Шамиля – 1834 г., время деятельности первых имамов – Гази-Магомеда и Гамзат-Бека – 1828/29 гг. – 1834 г. (Северный Кавказ в составе..., 2007: 119-121). Иными словами, имелся в виду очень короткий исторический промежуток, который, по существу, входит в те же самые границы конца первой трети XIX в. Что же касается борьбы горцев «с русской военной машиной», то традиционно начало «Кавказской войны» относится к 1817 г. (Северный Кавказ в составе..., 2007: 113), хотя есть и более ранние даты такового, связанные с походом Петра I в Дагестан, основанием крепости Моздок, присоединением Грузии к России.

По следам указанной статьи В.И. Марковина некоторое время спустя была опубликована работа В.Б. Виноградова. В ней ученый, во-первых, предложил иные общие хронологические рамки

позднего Средневековья (середина XIII – рубеж XVIII–XIX вв.). Внутри указанного отрезка ученый выделил хронологическую веку 50–90-е гг. XVI в., т.е. начала процесса интеграции народов Северного Кавказа в состав России. Во-вторых, кавказовед выступил с утверждением, что завершающим этапом позднего Средневековья на всем Северном Кавказе можно считать *последнюю треть XVIII – первую треть XIX вв.* (Виноградов, 1977: 65-66). Методически важно то, какие черты указанного отрезка времени приводит исследователь: завершение процесса вхождения в состав России основных контингентов населения Кавказа, в том числе Северного (при этом сопутствующая активизация национально-освободительной борьбы не меняла, по его мнению, сути факта), начало перестройки всей социально-экономической структуры региона, в т.ч. девальвация феодальной иерархии местного общества, насаждение российских феодальных и капиталистических отношений, стабилизация этнической карты, существенные изменения в хозяйственных занятиях, идеологии и культуре. Признавая определенную обоснованность данных суждений В.Б. Виноградова, которые в то время поставили на новый научный уровень указанную проблему, сегодня следует ставить вопрос о том, в какой степени те серьезные трансформации в горской среде, на которые указывали В.Б. Виноградов и его предшественники как на важные критериальные признаки конца Средневековья имели место уже в конце XVIII – начале XIX вв. Примечательно, что еще один специалист-археолог не так давно предложил свое хронологическое членение истории региона (Савенко, 2011: 58-69), в котором период Нового времени укладывается в рамки середины XVIII – XIX вв., но без детального обоснования. Весьма важно отметить то, что сегодня проблему периодизации конца Средневековья и Нового времени на Северном Кавказе невозможно уже решать без учета не только социально-экономических и политических ее сторон, но и социокультурной, а также ментальной составляющей.

4. Результаты

Начнем с политических факторов как во многом определяющих, на наш взгляд, течение исторических процессов в регионе. Конец XVIII – начало XIX вв. ознаменовались оформлением пророссийской ориентации у ряда горских народов региона. Даже сторонники преимущественно силового характера присоединения горских народов к России вынуждены признать, что во второй половине XVIII в. на верность Российскому государству присягнули многие чеченские общества и дагестанские владетели (*Северный Кавказ в составе...*, 2007: 52). Другое дело, что некоторые чеченские историки в качестве определяющего события в процессе интеграции Чечни в российскую структуру ставят 1807 г., поскольку переговоры XVIII в. велись-де с отдельными офицерами, в лучшем случае – с кизлярским комендантом, а в указанном году шли на уровне кавказского наместника, а сами российско-чеченские политические акты были отсланы на хранение в архив Министерства иностранных дел (Гапуров и др., 2008: 224-227). Кроме того, официальное вхождение чеченцев в состав Российской империи в 1807 г. признают и специалисты-правоведы (*Российская газета*, 2011: 19). Со своей стороны, историки-дагестановеды констатируют: «к осени 1812 г. практически все феодальные владения Дагестана и союзы сельских обществ присягнули на верность России» (*История многовековых отношений...*, 2009: 146).

Сложнее дело обстоит в центральной части Северного Кавказа. Здесь кабардинская элита проявляла недовольство позицией России, что выразилось в непризнании ее верховенства (Виноградов, Приймак, 2016: 128). Но российские власти и далее последовательно вели политику демонтажа сложившейся системы межэтнической иерархии на Центральном Кавказе во главе с Кабардой (Виноградов, Приймак, 2016: 149-150).

Если же говорить о российской политике в отношении Западной Черкесии, то следует вновь подчеркнуть осторожность, осмотрительность и реализм политики Екатерины II на северокавказском направлении, выразившейся, например, в отказе от подданства «закубанцев». Главная причина этого – империя не имела реальных возможностей в то время удержать и освоить все северокавказское пространство (Виноградов, Приймак, 2016: 111-113). В списке геополитических приоритетов того времени Северо-Западное Причерноморье стояло выше Северо-Западного Кавказа (Дегоев, 2013: 236-237). В указах и рескриптах Екатерины II 1792 и 1796 гг. делался акцент на мирные, а не силовые способы решения проблем с горскими народами.

Анализируя политические факторы, невозможно не указать на суть политики Павла I на Северном Кавказе, которая, как известно, была весьма сдержанной и осторожной, а также содержала в себе элементы т.н. «ласканий». Исследователи уже уделяли внимание и Павловскому проекту создания пророссийской «федерации» горских владетелей как предложению «новой интегрирующей модели взаимоотношений России с народами и владетелями Восточного Кавказа, а также некоторых областей Закавказья» (Виноградов, 2005: 81). Эта и другие инициативы были проявлением политики лавирования, характерной для столичных верхов как в исследуемый период, так и позднее. В то же время показательна утопичность Георгиевского договора 1802 г., который не снял имевшихся противоречий. Все же поиски российской государственностью переходных форм в процессе замены этнолокального типа интеграции горских обществ на государственно-имперский были налицо. Показателен факт передачи управления Коллегии иностранных дел народами Северного Кавказа из

ведения начальника Кавказской линии в руки коллежского советника Макарова. При этом в русле деятельности Макарова очень важно то, что правительство стремилось в его лице ввести элементы гражданского управления «как в рамках собственно российских границ, так и среди «внешних» подданных Империи (Виноградов, 2005: 86-87). «Внешнее подданство» показывает еще одну ступень *постепенной* интеграции народов Северного Кавказа в состав России. Важно, что мероприятия Павловского правительства были в определенной мере восприняты и Александровской администрацией.

Исследователи немало внимания уделяют действиям тех представителей российских властей на Северном Кавказе (например, И.В. Гудовича), которые использовали элементы политики «ласканий». Они приходят к выводу о том, что эта политика часто заходила в тупик, поскольку расценивалась горской стороной в качестве проявления слабости, что ставило перед необходимостью и «репрессалий» (поход ген. Булгакова в 1807 г. в Чечню). «Ласкания» выражались как в попытках экспериментов (как показало будущее, неудачных) в управленческой области (введение в предгорной Чечне системы приставского правления на местной кадровой основе), наряду со старым приемом в виде приглашения на княжение сторонних «арбитров» в лице кумыкских и кабардинских владельцев-«варягов» (Гапуров и др., 2008: 226), так и в задабривании горцев подарками и деньгами (при Тормасове и особенно Ртищеве). Однако такая система отношений (по Б.В. Виноградову, «права без обязанностей») была неудачной и оказалась не в состоянии предотвратить силового решения кризисных явлений. Весьма показательны исследования некоторых чеченских историков, например Л.А. Бадаевой (Дударев, 2011: 422-425). Она полагает, что политика России в конце XVIII – начале XIX вв., даже несмотря на военные конфликты, вызванные реализацией российских захватнических планов, была основана прежде всего на методах «ласкания» и усиливала тяготение к российскому государству со стороны основной массы горцев, способствуя успеху внешнеполитических планов России.

Не можем не согласиться с теми специалистами, которые указывают на то, что политика «ласканий» не могла осуществляться перманентно. Показательно, что по Л.А. Бадаевой, у российского государства в конце XVIII – начале XIX вв. не было рычагов для бесконфликтного управления горскими обществами, которые представляли собой рыхлый конгломерат социумов, живших по законам в лучшем случае раннефеодального строя, но чаще всего военной демократии, с присущими им чертами (война «всех против всех», менталитет, основанный на уважении к силе). В восприятии горцами совершавшихся перемен в их общественной жизни «государственная протекция обернулась бременем, безопасность оказалась сопряжена с навязанным порядком» (Русские и кавказцы..., 2009). Ни к тому, ни к другому они оказались не готовы.

Другими словами, в начале XIX в., перед прибытием на Кавказ А.П. Ермолова в качестве главноуправляющего и командующего Отдельным Кавказским (Грузинским) корпусом, положившим начало отказу от «ласканий» и переходу к «репрессалиям», российские власти, пытаясь минимизировать конфликтогенный потенциал российско-горских отношений, стремились оказывать известное влияние на политические и иные структуры местного населения, и его социальную и т.п. жизнь в целом. То, в чем оно выражалось конкретно, дают нам определенное представление тексты присяг, приносимых теми или иными горскими и отдельными «владельцами». Не имея возможности давать в рамках статьи их детальный анализ, укажем на наиболее общие условия, выдвигаемые российскими властями, ориентируясь на тексты указанных документов начала XIX в. (Кавказский вектор..., 2014: 398-430).

Фундаментальным требованием российской стороны во всех случаях было безоговорочное признание суверенитета Российской империи. Среди иных основных условий присутствовали такие, которые касались вопросов обеспечения безопасности российских границ и подданных государства: получение аманатов; взятие обязательств по отказу от набегов; требования сообщать о готовящихся набегах немирных горцев; недопущение их через «мирные» территории; выдача виновных в нанесении потерь российской стороне и т.п.; поимка агентов враждебных сил; обмен пленными; возвращение захваченной «баранты» и др.

Российская администрация, предлагая эти и иные кондиции, учитывала разницу уровней в развитии, потенциале и реальных возможностях тех или иных обществ, конкретные обстоятельства и т.д. (Кавказский вектор..., 2014: 405). В то же время требования администрации могли быть нелегким, а главное, непривычным бременем для местных обществ (Кавказский вектор..., 2014: 398). Тем не менее с помощью тех или иных повинностей российское правительство постепенно приучало население вновь присоединяемых территорий к необходимости вносить свой вклад в «общий котел».

Одновременно для горской стороны предусматривались и некоторые преференции в виде беспошлинной торговли и отпуска соли, в которой та весьма нуждалась, подтверждались традиционные права на пользование угодьями и др., обеспечивалось силовое прикрытие от могущественных соседей. Администрация гарантировала невмешательство во внутренние дела. Она подтверждала права как владельцев, так и местной патриархально-родовой верхушки на земли и подвластных людей. При этом верховный суверенитет высшей власти вовсе не исключал в тот момент и прежнего соподчинения тем или иным соседним традиционным «феодальным» структурам. Кроме

того, те или иные «владельцы» получали жалование от властей, соответствующее их статусу (доходившее, как в случае с шамхалом Тарковским, до 6 000 р. в год) ([Кавказский вектор...](#), 2014: 404), что, на наш взгляд, было своеобразной ответной «данью» – платой за лояльность (подробнее наш анализ указанных горских присяг см.: [Дударев, 2021: 139-148](#)).

Таким образом, в социально-политическом устройстве горцев с началом их интеграции в состав России стали совершаться определенные подвижки, которые *начинали нарушать, постепенно деформировать традиционные правила и порядки*, однако еще, по нашему мнению, не знаменовали собой *коренной ломки таковых*.

Наступивший с 1817 г. длительный период военных столкновений, известный как «Кавказская война», привел к важной эволюции политического развития тех северокавказских обществ, которые вступили на путь вооруженного сопротивления попыткам российской администрации подчинить их военно-административным методам управления. Но вернемся к этому несколько позднее.

Перейдем теперь к характеристике экономических основ жизни северокавказских социумов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Необходимо кратко рассмотреть состояние производительных сил горцев для того, чтобы определиться с характером и масштабами тех социально-экономических подвижек, которые могут дать (или нет) основания для утверждений о конце Средних веков и наступлении Нового времени.

Знакомство с таким показательным источником, как свидетельства европейских авторов XVIII в. ([Кавказ: европейские дневники...](#), 2010: 75-301), в том числе находившихся на российской службе, дает разнообразную картину хозяйственной деятельности населения Северного Кавказа. Оно располагало различными отраслями экономики, среди которых основными были земледелие и скотоводство. В то же время в целом они имели экстенсивный характер и не могли удовлетворять все жизненные потребности северокавказцев, которые оказывалось сложно восполнить даже с помощью торговли. Она долго являлась меновой, хотя в процессе расширения внешних связей, особенно с Россией, приобретала уже и денежный характер (см. ниже). Недостаток ресурсов восполнялся набеговой практикой и широко развитой работоторговлей, которую еще именуют пленопродавством или пленовладельчеством. Это был своего рода побочный промысел, игравший порой роль одной из главных сфер экономики ([Дударев, 2018: 84-93](#)). И эта картина была характерна для местных социумов вплоть до середины XIX в. ([Дударев Д., Дударев С., 2017](#)).

Массовое знакомство горского населения Северного Кавказа с продукцией мануфактурного и промышленного производства Нового времени, которая в принципе могла вызвать определенные социально-экономические подвижки в горской среде, как показывает изучение таможенных книг и росписей Русского государства в XVII в., документальных источников по русско-персидской, русско-кавказской, а также причерноморско-северокавказской торговле XVI–XVIII вв., могло состояться лишь во второй половине XVII в., но более всего – начиная с рубежа XVII–XVIII вв. ([Виноградов, 1977: 67](#)). Такое знакомство шло как через торговые связи, так и набеговую деятельность горских удальцов. Еще одним источником знакомства горцев с мануфактурными изделиями с середины XVIII – первых десятилетий XIX вв. была миссионерская деятельность русского православия среди кавказцев, когда новообращенным дарили единовременные подарки в виде тех или иных предметов быта (см. ниже) ([Виноградов, 1977: 68](#)). Появление серий предметов промышленного изготовления, под которыми имеются в виду, например, медные наперстки, стальные иглы, замки, зеркальца и т.п., обнаруженные при расчистке позднесредневековых склепов Центрального Предкавказья, могло влиять на изменение вкусов и потребностей горцев. Однако насколько такое влияние преобразующе влияло на горское общество, каковы были его реальные масштабы и последствия, остается вопросом дискуссионным.

Если говорить об уровне товарно-денежных отношений в конце XVIII – первой трети XIX вв., то в это время, да и позднее, вплоть до середины XIX столетия, горская экономика в целом имела полунатуральный характер. Присутствовали лишь элементы товарно-денежных отношений. Хотя еще в XVIII в. российские денежные единицы, как полагают некоторые исследователи, завоевали полное господство в денежном обращении Северного Кавказа ([Виноградов, 2008: 102](#)), в конце правления Екатерины II российские власти учредили меновую торговлю с горцами, которая, пережив два этапа в своем развитии (1800–1845; 1846 – до конца 1850-х гг.) ([История народов Северного Кавказа, 1988: 70](#)), вплоть до середины XIX в. по различным причинам так и не сделала значительных успехов («Кавказ», 1848а: 91). Иностранцы также указывали на меновой характер торговли в середине XIX в., отмечая, что золотая и серебряная монета употребляется, например, адыгами на украшение своего оружия (Т. Лапинский) ([Лапинский, 1995: 66](#)). В то же время, являясь своего рода переходной стадией от отсутствия всяких отношений к обычной торговле, меновые отношения содействовали тому, что горцы были вовлечены в систему экономических связей Российской империи, что «немало способствовало «замирению Кавказа» ([Герман, 2015: 113](#); [Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия, 2010: 192](#)). К середине XIX в. меновая торговля теряет свое значение и уступает место ярмарочной. Так, в 1861 г. в Кубанской области действовало 53 ярмарки, в Терской в 1880-х гг. – 24 ([Северный Кавказ в составе..., 2007: 232](#)). Одновременно немаловажно привести такое заключение Т.М. Барретта о том, что Россия не смогла превратить Северный Кавказ в

торговую колонию, в которой местное население занималось бы поставками сырья для обогащения купцов из России (Барретт, 2000).

Торговлю среди горцев вели лица иноэтничного происхождения – армяне, евреи, персы, русские и др. Сами горцы, особенно представители социальных верхов, считали торговлю делом, недостойным мужчины-джигита. Горцам были знакомы российские и иные денежные системы, с функциональной стороной которых, а именно с употреблением денежных единиц, они были знакомы, посещая российские ярмарки и рынки (представители т.н. мирных обществ) и ведя там торговые операции с помощью российских монет и т.п. Получая наглядные уроки ценности денег, о которой они часто не имели представления («Кавказ», 1848б: 78), горцы затем стремились добыть их при грабеже купеческих караванов, а также, что было еще более регулярной практикой, при получении выкупа за российских пленников, как военных, так и гражданских. Впрочем, горская сторона получала деньги от российских властей или их представителей и в качестве своеобразных «премий», например, при таком администраторе, как Ртищев (Виноградов, 2009: 126), или в виде жалования «владельцам» (см. выше). При этом известны яркие факты того, что целый ряд горцев, осознавая ценность денег и даже ценных бумаг (векселя), далеко не до конца представлял себе многие особенности денежного обращения и не имел глубоких знаний об экономической сфере бытия россиян в целом (об этом красноречиво свидетельствует, например, история с выкупом плененных княгинь Орбелиани и Чавчавадзе) (Вердеревский, 2013: 155-339; Дударев, Дударев, 2017: 327-339). Характерно, что источником получения сведений о назначении и ценности денег для горцев служили, в частности, и российские пленники (Кавказский офицер..., 2011: 35).

Совершенно прав был Т.Х. Кумыков, который, выделяя несколько этапов русско-кавказских торговых отношений, отмечал, что на третьем этапе (1846–1850 гг.) фиксируется постепенный рост денежной торговли, которая, однако, не стала еще господствующей (Кумыков, 1962: 178).

Возвращаясь же к судьбоносным переменам в горских обществах, вступивших на путь борьбы с российской военно-бюрократической системой, следует подчеркнуть, что выдающийся горский лидер имам Шамиль и команда его сподвижников сумели создать достаточно сильный государственный аппарат – организационную основу сопротивления установлению российских имперских административно-бюрократических порядков. Руководство имамата смогло создать и «предприятия», которые изготавливали порох и пушки для армии имамата, а также регулировало и иную кустарную «промышленность», производившую холодное и огнестрельное оружие для горских формирований (Кругов, Нечитайлов, 2016: 46-55). Некоторые ученые Дагестана еще в конце 1980-х гг. пытались доказать, что к началу XIX в. в Дагестане в горной местности формировались буржуазия (торговая и промышленная), а также наемные работники (Милованов, 1989: 52-55). Но уровень горской «индустриализации» невозможно завышать. Те же ружья, которые производились горскими мастерами для армии имама, по его собственному признанию, взрывались после третьего выстрела, что указывает на их очень низкое качество (Дневник полковника Руновского..., 1904: 1399). Весьма показательным в сравнительном плане то, что командующий войсками на Кавказской линии г.-л. А.А. Вельяминов в «Отношении» на имя министра финансов Е.Ф. Канкрин в 1835 г. констатировал, что «в Кавказской области мануфактурная промышленность, можно сказать, не существует», указав на причины такого положения (Отношение командующего войсками..., 2005: 350). Даже те немногие лица, которые еще позднее, в 1840-х гг., были направлены кавказской администрацией из Тифлиса для обучения в Санкт-Петербург (в Технологический институт), по возвращении в родной город не нашли здесь заводов и фабрик, управлению которыми они обучались (Урушадзе, 2015: 146). Что уже говорить о горцах, даже объединенных в имамат, уровень развития хозяйства которых объективно уступал в тот период Закавказью, несмотря на все усилия имамской администрации.

Преобразования имама и его сподвижников были надстроены над горскими общественными структурами и далеко не всегда имели в них глубокие корни, что особенно хорошо показывает судьба нововведений наиба Мухаммеда Эмина у адыгов (Лопинский (Тэффик-бей), 1995: 231), которые оказались недолговечными (Кажаров, 2014: 615). В то же время усилия Шамиля не пропали даром (хотя не будем забывать его широко известное высказывание о том, что скорее горец забудет об исламе, нежели о своем обычае, хотя бы это был обычай ходить без рубахи). Барон К.Ф. Сталь (Сталь, 2011: 83) и генерал Р.А. Фадеев (Фадеев, 2003: 33-111) писали о большой роли мюридизма в подготовке горцев к восприятию будущих российских порядков, введившихся после завершения «Кавказской войны». Иными словами, мюридизм сыграл роль важной «социальной прививки» горским обществам, особенно Дагестана и Чечни, нарушив их прежнюю родо-патриархальную гомогенность, что крайне важно для оценки изменений в общественном быту, соответствовавших «новым временам».

Отдельные российские ученые некоторое время назад расценивали преобразования, предпринятые по инициативе имама Шамиля как модернизационные. Одни из них считают, что это был своеобразный «ответ на вызов» российскому модернизационному проекту (Клычников, 2013: 8-9; Норченко, Айларова, 2013: 131-170), другие, в частности, сравнивают усилия Шамиля с политикой Танзимата в Османской империи (Урушадзе, 2010: 12). А.Т. Урушадзе цитирует высказывание самого имама, которое весьма репрезентативно в части фиксации средневековой

узости мышления этого незаурядного деятеля. Уже находясь в ссылке и пытаясь определить причины отставания и поражений горцев-мусульман, бывший имам говорил, что «русские делают то, что правоверным и на мысль не может прийти... надо иметь...слишком большие знания, которые, не знаю почему, отвергаются учением нашей религии» (Урушадзе, 2018: 306). Эта мысль напоминает заключение Г.Э. фон Грюнебаума о непроницаемости мусульманской цивилизации для определенных областей научного поиска. Недаром, по убеждению С. Кутба, ислам, как самодостаточная система, никогда не нуждался в дополнительных философских идеях (Лекции по истории..., 2017: 68). Видимо, в конце концов, осознав эти моменты, А.Т. Урушадзе фактически отказался от своего тезиса о шамилевской модернизации, зато объявил мифом и российскую модернизацию Кавказа. Однако успехи в пореформенном развитии Кавказского региона говорят об обратном, хотя невозможно и забывать обо всей его неравномерности и противоречивости.

Настоящая же трансформация в горской среде, на которую повлияло близкое знакомство с технологиями российского промышленного производства, подвижки в производительных силах, структуре потребления, началась уже после окончательного включения региона в состав России в результате завершения событий «Кавказской войны» (Ананьев и др., 2017: 35-45), в пореформенный период.

Огромную роль в ней сыграло развитие средств сообщения, прежде всего дорог, особенно железных. О той роли, которые они должны были сыграть, писал в 1869 г. кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич, не без оснований полагая, что только железная дорога может навсегда прикрепить Кавказский край и Закавказье к России (Северный Кавказ в составе..., 2007: 234). И впоследствии компетентные эксперты видели в дорогах важный инструмент для преобразования Кавказа. Об этом в конце 1880-х гг. ярко и образно писал Г.Е. Марков. В удобных дорогах он видел средство «смирить дикого горца и обратить его в дружелюбного соседа своего...» (Ткаченко, 2017: 130). Наиболее выдающееся значение для развития региона сыграла Владикавказская железная дорога, первая часть которой была построена в 1872–1875 гг. Недаром современные специалисты видят в вовлечении региона в сеть российских транспортных коммуникаций важнейший результат экономического развития Северного Кавказа в XIX в. (Северный Кавказ в составе..., 2007: 248). О некоторых результатах преобразований, произошедших в результате подобной деятельности Российского государства, весьма выразительно говорил А.Г. Ардасенов в известной работе «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» (Айларова, 1990: 95-109; Айларова, 2018). Он полагал, что тем поворотным пунктом, начиная с которого горцы-осетины развернулись лицом к России, был конец 1860-х гг. По А.Г. Ардасенову, «шатания» горца начинаются с 1870 г., до которого он всячески сторонился, чуждался влияния современной цивилизации. Он указывал, что горская культура, по сути, проиграла борьбу с европейской торгово-промышленной культурой, уступая ей шаг за шагом (Айларова, 1990: 107). Эти данные позволяют более конкретно оценивать время начала реального социально-экономического *перелома* в быту горцев.

С начала 1880-х на Северном Кавказе появляется крупная буржуазия, но пока в большинстве своем это были русские (редко встречавшиеся в первой половине XIX в.) и иностранные предприниматели. Однако это дело не стояло на месте. Уже в начале XX в. во Владикавказе и Грозном происходит рост кадров буржуазии, и большинство новых промышленных заведений уже находилось в руках выходцев из числа горских народов (Северный Кавказ в составе..., 2007: 246).

В преобразовании горских обществ огромную роль играли и социокультурные факторы, к которым следует отнести деятельность учреждений, готовивших образованных горцев, служивших своей новой Родине и составивших слой интеллигенции, сыгравшей важную роль в процессе интеграции кавказцев в российские структуры. К числу таких учреждений относятся кадетские корпуса, гимназии, аманатские школы.

Первые высокообразованные горцы появились еще в XVIII в. прежде всего среди кабардинцев. Таковыми стали в первую очередь кадры военной интеллигенции (Казаков, 2006). Именно через них, таких, например, как А.-Г. Атажукин, среди части кабардинских пши-уорков пробуждался интерес к идеям Французской революции (Кажаров, 2014: 601). Дело шагнуло дальше в XIX в., когда среди северокавказцев появилась блестящая плеяда просветителей (по-другому – деятелей люмьеризма) (Блейх, Кидырниязов, 2020), которые были озабочены судьбами своих народов, выдвигали интересные планы их социально-экономического и культурного развития (Норченко, Айларова, 2013: 171-257). Трудно переоценить значение этих деятелей для будущего развития своих соплеменников. Некоторые авторы оценивают просветительские тенденции как «важнейший механизм государственной политики по комплектованию унитарной культурной архитектуры на отдельно взятой удаленной от центра территории» (Блейх, Кидырниязов, 2020: 35). Однако влияние просветителей даже на круг своих сородичей было долгое время крайне ограниченным. Они, образно выражаясь, были «чужими среди своих», поскольку считались частью мира «неверных», о чем говорит судьба, например, А.-Г. Кешева (Ктиторова, 2015). Потребовалось как минимум несколько десятилетий, чтобы основная масса народов, из среди которых вышли просветители, «доросла» до своих незаурядных представителей и оценила их выдающийся вклад в дело своего социокультурного и т.д. развития, интеграции в состав Российского государства, как транслятора мировых достижений.

Социокультурный срез крайне важен с точки зрения характеристики ментальных составляющих шедших многосторонних по своим последствиям процессов. Весьма интересны воспоминания некоторых северокавказских современников А.Г. Ардасенова, например Г.-А. Амирова, написанные в 1870-е гг. Они красноречиво свидетельствуют о том, что мировосприятие основной массы горцев в это время являлось еще сугубо средневековым. Для них любые новации, шедшие из мира «неверных», были наделены отрицательными смыслами, в том числе последовательным апокалиптизмом, в связи с отсутствием ритуальной чистоты и опоры на ислам как истинную религию (Дударев, 2017: 28-31). Для земляков Амирова были предпочтительны бедность, аскетизм, чистота веры, устраненность от соблазнов мира «гяуров». Это лучше, чем все их искусовые блага, вредные для души и являющиеся результатом изощренного коварства иноверцев (Амиров, 1873: 45). Показательны и представления о мироздании и географии такого высокообразованного горца, как сам имам Шамиль, которые были близки средневековым (Дневник полковника Руновского..., 1904: 1519). Полагаем, что в таком контексте есть все основания вспомнить о концепции Ж. Ле Гоффа об «очень долгом средневековье» (Ле Гофф, 2011: 31-38), которая позволяет заострить внимание на специфических особенностях менталитета горцев и учесть их в определении наступления Нового времени у горцев Северного Кавказа. Реальное разложение патриархального уклада происходит в 1880–1990-е гг., когда, по давнему, но справедливому заключению Т.Х. Кумыкова, начали подвергаться коренным изменениям все стороны жизни кабардинцев, балкарцев, осетин и чеченцев (Кумыков, 1962: 182).

На наш взгляд, время от начала создания имама Шамиля до его падения можно считать *переходным периодом* от Средневековья к Новому времени на Северном Кавказе, когда преобразовательская деятельность Шамиля и его сподвижников привела горцев к необходимости соблюдать ранее несвойственные для них требования – жесткой (и жестокой) дисциплины, санкционированной в форме строгих религиозных обрядов, следования собственным государственным порядкам.

Разумеется, в этом отношении «не отставала» и российская военно-бюрократическая система. Одним из репрезентативных примеров внедрения ее норм среди мирных горцев является записка «По управлению мирными горцами», составленная предположительно в 1848 г. начальником Центра Кавказской линии полковником князем Г.Р. Эрстовым (Записка князя Г.Р. Эрстова..., 2015: 207-215). Из анализа ее содержания видно, что в середине XIX в. на территории проживания «мирных» горцев вводилась система всеобъемлющего и неусыпного контроля (с применением доносительства) над их жизнью, который сближал «мирных» с остальными россиянами, для которых жизнь под контролем околоточного надзирателя была нормой. Такое положение дел было беспрецедентным для горцев и являлось новым этапом в их взаимоотношениях с Большой Россией. Такая система прививалась далеко не сразу и отнюдь не безболезненно и отозвалась в недалеком будущем в явлении абречества (Дударев, Дударев, 2017: 72).

Однако ни горский, ни российский варианты «дисциплинизации» северокавказцев не затронули тогда еще глубинных основ экономического, бытового и ментального уклада горских народов. Мировоззрение горцев не вышло еще за рамки средневекового, хотя события своеобразной «Реформации», как еще понимают движение горцев под руководством дагестанских имамов, вело их к более зрелым формам отправления религиозного исламского культа, нежели ранее. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как этническая мобилизация под знаменами газавата, которая была для горцев новой страницей в их этнополитической истории (Виноградов и др., 2019: 204). Тем не менее все это еще не выходило за рамки средневековой организации общества и его идеологии. Представители России были для горцев «неверными», «гяурами», против которых следовало бороться, как против врагов Аллаха. То, что, например, некоторая часть российских перебежчиков и военнопленных воевала в рядах противника против правительственных войск, отнюдь не делало ее в глазах горцев «своими». Сама возможность этих людей участвовать в войне против бывших соотечественников является исключительной заслугой имама Шамиля, который хорошо понимал важность использования «диссидентов» из лагеря противника в борьбе с ним (Кругов, Нечитайлов, 2016: 77-83).

Напротив, западные адыги нередко были чужды пониманию таких вещей и чаще всего превращали дезертиров в обыкновенных невольников (Белл, 2007: 47, 60; Лапинский, 1995: 144). В Дагестане и Чечне рядовые горцы при первой же возможности расправлялись с перебежчиками (Стреллок, 2011: 48).

Наступление же Нового времени как такового необходимо связывать с рамками пореформенного периода – 60-90-е гг. XIX в., когда, причем далеко не сразу, начались трансформационные процессы социально-экономического и культурного характера, кардинально нарушившие прежнюю родо-патриархальную замкнутость и приведшие к изменению ментальных структур, непроницаемых ранее для русской и европейской культур. Мы имеем в виду более широкое изучение русского языка, включение в экономические процессы России и участие в ее национальном рынке, приобретение научных знаний на европейской и мировой научной основе через обучение в российских учебных заведениях частью горцев, приведшее к изменению представлений о внешнем

мире, в том числе и о России, его географическом устройстве и т.п. в местных обществах, возникновение растущего феномена национальной интеллигенции, которая все больше становилась генератором новых идей и т.д., интеграцию в социально-политические процессы в стране (например, движение народников, а затем и пролетарское революционное движение) и т.д.

У разных народов Северного Кавказа перемены, менявшие социокультурное лицо местных обществ, происходили в известной степени асинхронно. К числу наиболее продвинувшихся на указанной стезе принадлежали осетины. Так, еще в начале 1860-х гг. представители осетинского народа стали вливаться в народнические кружки (А. Ардасенов), участвуя, таким образом, в разночинском этапе освободительного движения в России (В.И. Ленин). В целом, шел рост осетинской интеллигенции, о чем писал К.Л. Хетагуров, называя осетин врачей, юристов, инженеров, ученых и др. (*История Северо-Осетинской АССР, 1987: 317*). Выходцы из горских народов активно вливались в российскую армию. Например, накануне Первой мировой войны Северная Осетия располагала мощным корпусом военной интеллигенции – 150 генералов и 3000 офицеров (устная информация М.М. Блиева 1989 г.).

Серьезные изменения происходили под влиянием инноваций в кабардинской социокультурной среде. Традиционные «рыцарские» ценности адыгов, выраженные в «Уэрк хабзе» (*Мирзоев, 2015: 58*), трансформировались под влиянием российской воинской культуры. Специалисты приходят к выводу, что «культура черкесского рыцарства в допустимых формах органично интегрируется с убеждениями русского офицерства» (*Прасолов, 2015: 226*). Наиболее ярко синтез российских воинских традиций, горского «рыцарства» и исламских установок проявился в начале XX в., знаменуя собой феномен «русскости» (*Великая, 2007: 88-101*). Репрезентативна фигура полковника кабардинца М. Анзорова, одного из командиров Кабардинского полка, воевавшего в период Гражданской войны в России на стороне белых. Перед производством в офицеры он положил в Коран, с которым никогда не расставался, Георгиевскую ленточку и поклялся: «Валлаги Азим – Георгий или смерть!» (*Зинеева, 2015: 175*).

Несколько более замедленными темпами двигались в этом отношении Чечня и Дагестан. Как отмечают дагестанские историки, в 1904 г. из 600-тысячного населения Дагестана получивших высшее образование было 17 человек и несколько десятков строевых офицеров (*История многовековых отношений..., 2009: 309*). Можно назвать чеченские и ингушские фамилии, давшие России немало известных людей. Например, члены фамилии Чермоевых были военными, купцами, нефтепромышленниками. Среди чеченцев и ингушей были люди, получившие дворянство за свои заслуги (Чуликовы, Цутиевы, Базоркины). Одним из путей интеграции в российское общество для некоторых из них было принятие православия. В то же время эти представители вайнахов были весьма немногочисленны (*Головлев, 2021: 182-196*).

Причина данной ситуации, на наш взгляд, была вполне очевидной. Те народы, которые не участвовали в «Кавказской войне», сумели продвинуться дальше в процессе интеграции в российские структуры. Те же этносы или общества, которые приняли активное участие в военных действиях, были тем самым объективно определенным образом отодвинуты назад в процессе освоения всего того нового, что шло из внешнего мира через посредство России. На Северо-Восточном Кавказе, по меньшей мере до конца 1870-х гг., активно функционировала идеология мюридизма, на что указывает известное восстание 1877–1878 гг. в Чечне и Дагестане. Тем не менее историки-кавказоведы фиксируют в Дагестане интереснейшее явление, которое нужно позиционировать особо. Академические экспедиции, направлявшиеся в «страну гор» в начале XX в., выявили отсутствие употребления русского языка в среде мусульманского населения. Однако значительная часть местных горцев воспринимала Россию в качестве родины (*Матвеев, 2018: 14*). Можно приводить и другие факты, указывающие на изменение сознания горцев, в котором средневековые неуклонно сдавало свои позиции. Так, если в 1870-е гг. фотографии у них вызывали суеверных страх (*Амиров, 1873: 56-57*), то в самом начале XX в. горцы охотно позировали перед объективом, а тех, кто слишком активно пытался помещать этому, они сами же могли и взять под стражу (*Буш, 1905*). Это дополнительные подтверждения наступления новой истории в среде горских народов Северного Кавказа.

Хотим еще раз подчеркнуть, что мы связываем новую историю у горцев с кардинальными изменениями не только в социально-экономической сфере, но и в плане восприятия северокавказскими обществами идей, чуждых им ранее, и появления национальной элиты нового типа, интегрированной в общероссийское социально-экономическое, культурное и политическое пространство (*Головлев, 2021: 193*). Общение с русскими и другими народами, расселявшимися в Предкавказье, меняло культурные, мировоззренческие и иные предпочтения и установки горцев, присущие еще средневековью, и открывало для них действительный период новой истории.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали рубежными для народов региона, когда в их истории наступило новейшее время, ставшее качественно новым этапом интеграции в российское общество, связанным с совершенно иными социально-классовыми установками, экономической и политической реальностью, революцией в области культуры и мировосприятия. При всем том сегодняшний день, с его обвальным ростом архаики на Северном Кавказе, показывает, что перемены, произошедшие здесь в XIX–XX вв., не преодолели глубокой «иммунности» горских социумов,

оставив шансы на «ренессанс» традиционных черт северокавказцев в эпоху постмодерна, что, собственно, мы и наблюдаем сегодня (Клычников, 2018).

5. Заключение

Таким образом, можно предложить следующие хронологические рамки позднего Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе:

1. *Конец XVIII – начало XIX вв. – завершение средневековой эпохи на Северном Кавказе.* Оно связывается нами с кульминацией процесса интеграции горских обществ в состав российских структур, происходившего в значительной степени на основе взаимной заинтересованности сторон друг в друге. Присоединение (вхождение) горцев в состав России было рубежным событием, которое в перспективе радикально изменило ход их истории. В ходе этого процесса горской стороне постепенно предлагались все более жесткие «правила игры», основой которых было безоговорочное признание российского суверенитета. Внедрение этой идеи сопровождалось ростом условий, предъявляемых к горцам, все более расходящихся с их традиционным устройством. Российская власть шла по пути «дисциплинизации» горских социумов, которая, основываясь на признании горцев такими же подданными, что и прочие жители государства, становилась все более жесткой и соответствующей общеимперским условиям (прекращение набегов и иных «противоправных» действий догосударственной эпохи, контроль за перемещением населения и ограничение такового и т.п.). Северокавказцы должны были нести те или иные обязанности и повинности (предоставление воинских контингентов, извоз, дань и др.), что было не только проявлением элементов государственной эксплуатации, но и адаптацией к необходимости вносить свою лепту в общегосударственный «котел», без чего невозможно функционирование ни одного государства. Введение указанных тягот не осуществлялось «под одну гребенку» и учитывало уровень развития тех или иных обществ горцев. Внутреннее устройство горских народов еще в течение десятилетий не претерпевало существенных изменений в сторону преобразований. Вводимые новые порядки еще не знаменовали коренную перестройку и тем более ломку всего социально-экономического устройства, в том числе ментального уклада горских социумов.

2. *Начиная с конца первой трети XIX в. и до 1860–1870-х гг.* горские общества подвергаются гораздо более динамичной трансформации, связанной как с имаматской «модернизацией» на исламской основе («немирные» горцы), так и дальнейшей «дисциплинизацией» в имперском духе («мирные» горские общества). Влияние этих процессов на горцев Северного Кавказа было противоречивым. С одной стороны, внедрение новых порядков приучало население гор к жизни в условиях жестких государственных порядков, постепенному расставанию с родо-патриархальными вольностями и ценностями (набеги, кровная месть, горское «рыцарство» и т.п.), а в перспективе – к встраиванию в общеимперские структуры. С другой – смогло далеко не полностью преодолеть многовековые привычки и ментальные установки. Горская экономика оставалась во многом натуральной, основанной на обмене и относительно слабо знакомой с денежным хозяйством. Очень узкая прослойка горской интеллигенции (просветители, революционеры-народники, и др.) еще не стала «властителями дум» своих народов, воспринимавших ее как «гяуров». Полагаем, что указанное время было *переходным периодом* от Средних веков к Новому времени в истории северокавказских народов.

3. Принципиально другой была эпоха, совпадающая с пореформенным периодом, и тем более начало XX в. Горские общества начинают интенсивно втягиваться в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь России. Они интегрируются в многоукладный российский социальный организм, в рыночные отношения, размывается их родо-патриархальная замкнутость, формируются отряды горской интеллигенции, превращающиеся в проводников передовых идей, все с большим интересом воспринимаемых рядовыми горцами. Ценности горцев-«воюющих» конвертируются в российскую воинскую культуру. Россия становится для детей и внуков тех, кто участвовал в «Кавказской войне» на стороне ее противника, Родиной, которую они идут защищать на полях Великой войны. Меняются представления о внешнем мире, который все меньше ассоциируется со средневековой идеей сакральной нечистоты иноверцев, но становится все более привлекательным и желательным для освоения. Иными словами, *с рубежа 1860–1870-х гг. и до 1917 г.* можно говорить *о периоде собственно новой истории* у горских народов Северного Кавказа.

Разумеется, автор понимает всю дискуссионность и мозаичность высказанных мыслей, что связано с форматом работы, и выражает надежду на широкий обмен мнениями.

Литература

Ананьев и др., 2017 – Ананьев В.А., Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Промышленное развитие и торговля на Северо-Восточном Кавказе и их влияние на социально-экономический облик автохтонного населения региона (вторая половина XIX в.) // *История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник*. Вып. XIV. Армавир: АГПУ, 2017. С. 35-45.

Айларова, 1990 – Айларова С.А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» // *Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства)*. Грозный, 1990. С. 95-109.

Айларова, 2018 – Айларова С.А. Революция возрастающих потребностей в горском селе [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/aularov.shtml (дата обращения: 25.03.18).

Амиров, 1873 – Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 1-57.

Барретт, 2000 – Барретт Томас М. Линии неопределенности: северокавказский фронт России // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет*: Антология. Самара, 2000. Т. 2. Императорский период. С. 163-194. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (дата обращения: 02.09.2021).

Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2-х т. Т. 1. Нальчик, 2007. 407 с.

Блейх, Кидырниязов, 2020 – Блейх Н.О., Кидырниязов Д.С. Феномен северокавказского люмьеризма второй половины XVIII – начала XX в. (ретроспективный обзор) // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. № 2 (49). Грозный. С. 29-37.

Буш, 1905 – Буш Н.А. По скалам Андийского Дагестана // *Известия Русского императорского географического общества*. Т. XLI. Вып. III. 48 с.+7 л. ил.

Великая, 2007 – Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение*. 2007. № 45. Ростов-на-Дону. С. 88-101.

Вердеревский, 2013 – Вердеревский Е. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854–1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показании лиц, участвовавших в событии. В трех частях // *Кавказ: В плену у горцев*. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. Вып. 13. Т. 2. С. 155-348.

Виноградов, 1977 – Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки* (далее – ИСКНЦ ВШ). 1977. № 1. С. 64-69.

Виноградов, 2008 – Виноградов В.Б. Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // *Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова* (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008. С. 95-102.

Виноградов, Приймак, 2016 – Виноградов Б.В., Приймак Ю.В. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.). Армавир, 2016. 186 с.

Виноградов, 2005 – Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Монография. Славянск-на-Кубани, 2005. 384 с.

Виноградов, 2009 – Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Монография. Славянск-на-Кубани, 2009. 138 с.

Виноградов и др., 2019 – Виноградов Б.В., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. Армавир, 2019. 210 с.

Гапуров и др., 2008 – Гапуров Ш.А., Испиев И.М., Товсултанов Р.А. Политика России в период наместничества И.В. Гудовича // *Чеченцы в сообществе народов России*: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–20 декабря 2008 г.). Т. 1. Назрань, 2008. С. 224-227.

Герман, 2015 – Герман Р.Э. Меновая торговля в Центральном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX в. в системе мер по «замирению Кавказа» // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2015. С. 102-113.

Головлев, 2021 – Головлев А.А. Православные чеченцы и ингуши и чечено-ингушские дворяне // *Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы*. К 70-летию С.Л. Дударева: Международный сборник научных статей. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. С. 182-196.

Дегоев, 2013 – Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. 256 с.

Дневник полковника Руновского..., 1904 – Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге, с 1850 по 1862 год // *АКАК*. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1395-1527.

Дударев Д., Дударев С., 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017. 402 с.

Дударев, 2011 – Дударев С.Л. О некоторых новых диссертационных исследованиях по истории Чечни // *Сборник научных работ С.Л. Дударева*. М.: Илекса, 2011. С. 422-428.

- Дударев, 2017** – Дударев С.Л. «Чужой среди своих»: страницы из дневника гимназиста 1870-х глазами современного историка // *Гуманитарные и юридические исследования*. Научно-теоретический журнал. 2017. Вып. 3. С. 28-31.
- Дударев, 2018** – Дударев С.Л. Экономическое состояние горцев Северного Кавказа в XVIII в. // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. № 2. 2018. Т. 1. С. 84-93.
- Дударев, 2021** – Дударев С.Л. Некоторые особенности управления народами Кавказа в процессе их интеграции в состав Российского государства и горские присяги начала XIX в. // *Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура*. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 139-148.
- Записка князя Эрнстова..., 2015** – Записка князя Г.Р. Эрнстова «по управлению мирными горцами» (1848 г.) (Публикация и комментарии Л.И. Цвижба) // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 207-215.
- Зинева, 2015** – Зинева З.З. Военная интеллигенция Северного Кавказа в событиях гражданской войны // *Виноградовские чтения*. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). Армавир, 2015. С. 157-161.
- История Северо-Осетинской АССР, 1987** – История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е., перераб. и доп. Орджоникидзе: Ир, т. I, 1987. 529 с.
- История народов Северного Кавказа..., 1988** – История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). Т. 2. М.: Наука, 1988. 659 с.
- История многовековых отношений..., 2009** – История многовековых отношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. 752 с.
- Кавказский вектор..., 2014** – Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. 696 с.
- Кавказ, 1848a** – Газета «Кавказ». 1848. № 3. С. 91.
- Кавказ, 1848b** – Газета «Кавказ». 1848. № 20. С. 78.
- Кавказ: европейские дневники..., 2010** – Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. Вып. III. 304 с.
- Кавказский офицер..., 2011** – *Кавказский офицер*. В плену у шапсугов // В плену у горцев. Вып. 2. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т.»), 2011. С. 24-45.
- Кажаров, 2014** – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 904 с.
- Казаков, 2006** – Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. 406 с.
- Кумыков, 1962** – Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. 199 с.
- Кругов, Нечитайлов, 2016** – Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829–1859. М., 2016. 176 с.
- Клычников, 2013** – Клычников Ю.Ю. О некоторых дискуссионных проблемах северокавказской истории глазами исследователей научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова // *Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора*. Материалы 18-го семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Армавир, 2013. С. 5-9.
- Клычников, 2018** – Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.
- Ктиторова, 2015** – Ктиторова О.В. Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир; Ставрополь, 2015. 232 с.
- Лапинский, 1995** – Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бей), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик, 1995. 455 с.
- Ле Гофф, 2001** – Ле Гофф Ж. В поддержку долгого средневековья // Жак Ле Гофф. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 31-38. [Электронный ресурс]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/goff-v-podderzhku-dolgogo-srednevekovya.htm> (дата обращения: 26.03.18).
- Лекции по истории..., 2017** – Лекции по истории средневекового Востока / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2017. 152 с.
- Марковин, 1976** – Марковин В.И. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа // *ИСКНЦ ВШ*. 1976. № 4. С. 12-16.
- Матвеев, 2018** – Матвеев В.А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX в. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2018. 240 с.
- Милованов, 1989** – Милованов Г.И. Социально-экономические аспекты движения горцев под руководством Шамиля // *Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.* Всесоюзная научная конференция 20–22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 55-57.

- Мирзоев, 2015** – Мирзоев А.С. «Право войны» в свете традиционной военной культуры черкесов (адыгов) – социокультурный аспект // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 47-66.
- Норченко, Айларова, 2013** – Норченко Е.А., Айларова С.А. Модернизация Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. Владикавказ, 2013. 284 с.
- Отношение командующего войсками..., 2005** – Отношение командующего войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова к министру финансов графу Е.Ф. Канкрину, 1835 г. // *Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начала XX вв.* / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисцина, Б.П. Миловидов. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 350-354.
- Прасолов, 2015** – Прасолов Д.Н. Проблемы трансформации этнокультурной идентичности кабардинцев в XIX – первой трети XX в. // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 218-233.
- Российская газета, 2011** – *Российская газета*. 20.01.2011. № 10 (5386). С. 19.
- Русские и кавказцы, 2009** – Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов / Артур Цуциев [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocID=126265&DocQuerID=NULL&DocTypID=NULL&> (дата обращения: 15.07.2009).
- Савенко, 2011** – Савенко С.Н. Краткий очерк истории Северо-Кавказского федерального округа (с древнейших времен до середины XV в.) // *Из истории и культуры Северного Кавказа: Сборник научных статей*. Вып. 3. Ставрополь, 2011. С. 58-69.
- Северный Кавказ в составе..., 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Северный Кавказ с древних времен..., 2010** – Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. 318 с.
- Сталь, 2011** – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказ: племена, язык, нравы*. Нальчик. 2011. Вып. VIII. С. 81-144.
- Стреллок, 2011** – Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца. Нальчик, 2011. 60 с.
- Ткаченко, 2017** – Ткаченко Д.С. Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2017. 336 с.
- Урушадзе, 2015** – Урушадзе А.Т. Развитие образовательной политики Российской империи и формирование «национальных кадров» на Кавказе (1845–1854 гг.) // *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). М., 2015. С. 137-149.
- Урушадзе, 2010** – Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и Танзимат Османской империи – два типа модернизации // *Былые годы*. 2010. № 4 (18). С. 10-12.
- Урушадзе, 2018** – Урушадзе А. Кавказская война. Семь историй. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 336 с.
- Фадеев, 2003** – Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны / Кавказская война. М., 2003. С. 33-111.

References

- Ajlarova, 1990** – Ajlarova, S.A. (1990). Osobennosti social'no-ekonomicheskogo razvitiya gorskih narodov v konce XIX v. i rabota A.G. Ardasenova «Perekhodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza» [Features of the socio-economic development of mountain peoples at the end of the 19th century. and the A.G. Ardasenov's work «The transitional state of the highlanders of the North Caucasus»]. *Rossiya i Severnyj Kavkaz (problemy istoriko-kul'turnogo edinstva)*. Groznyj: 95-109. [in Russian]
- Ajlarova, 2018** – Ajlarova, S.A. (2018). Revolyuciya vozrastayushchih potrebnošej v gorskom sele [The revolution of increasing needs in the mountain village]. [Electronic resource]. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/aularov.shtml (date of access: 25.03.18) [in Russian]
- Amirov, 1873** – Amirov, G.-M. (1873). Sredi gorcev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista) [Among the mountaineers of Northern Dagestan (from the diary of a grammar school student)]. *SSKG*. VII: 1-57. [in Russian]
- Anan'ev i dr., 2017** – Anan'ev, V.A., Dudarev, S.L., Klychnikov, Yu.Yu. (2017). Promyshlennoe razvitie i trgovlya na Severo-Vostochnom Kavkaze i ih vliyanie na social'no-ekonomicheskij oblik avtohtonogo naseleniya regiona (vtoraya polovina XIX v.) [Industrial development and trade in the North-Eastern Caucasus and their impact on the socio-economic appearance of the autochthonous population of the region (second half of the 19th century)]. *Istoriya i obshchestvoznaniye*. Nauchnyj i uchebno-metodicheskij ezhegodnik. Vyp. XIV. Armavir: AGPU: 35-45. [in Russian]
- Barrett, 2000** – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij frontir Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya*. Samara. T. 2. Imperatorskij period. Pp.1 63-194. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> [Data obrashcheniya: 2.09.2021] [in Russian]
- Bell, 2007** – Bell, Dzh. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837-1839 godov [Diary of his stay in Circassia during 1837-1839]. V dvuh tomah. T. 1. Nal'chik. 407 p. [in Russian]
- Blejh, Kidyrynyazov, 2020** – Blejh, N.O., Kidyrynyazov, D.S. (2020). Fenomen severokavkazskogo lyum'erizma vtoroj poloviny XVIII – nachala XX v. (retrospektivnyj obzor) [The phenomenon of North

- Caucasian lumiereism in the second half of the 18th – early 20th centuries (retrospective review)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 2(49): 29-37. [in Russian]
- Bush, 1905** – *Bush, N.A.* (1905). Po skalam Andijskogo Dagestana [On the rocks of Andean Dagestan]. *Izvestiya Russkogo imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*. T. XLI, Vyp. III. 48 p.+7 l. il. [in Russian]
- Degoev, 2013** – *Degoev, V.V.* (2013). Nepostizhimaya Chechnya: Shejh Mansur i ego vremena (XVIII vek) [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and His Time (XVIII century)]. M., 256 p. [in Russian]
- Dnevnik polkovnika Runovskogo..., 1904** – Dnevnik polkovnika Runovskogo, sostoyavshego pristavom pri Shamile vo vremena prebyvaniya ego v gor. Kaluge, s 1850 po 1862 god [Diary of Colonel Runovsky, who was a bailiff under Shamil during his stay in the mountains. Kaluga, from 1850 to 1862] (1904). *AKAK*. T. XII. Tiflis: 1395-1527. [in Russian]
- Dudarev, 2011** – *Dudarev, S.L.* (2011). O nekotoryh novyh dissertacionnyh issledovaniyah po istorii Chechni [Some new dissertation research on the history of Chechnya]. *Sbornik nauchnyh rabot S.L. Dudareva*. M.: Ileksa: 422-428. [in Russian]
- Dudarev, 2017** – *Dudarev, S.L.* (2017). «Chuzhoj sredi svoih»: stranicy iz dnevnika gimnazista 1870-h glazami sovremennogo istorika ["Stranger Among Friends": Pages from the Diary of a Schoolboy of the 1870s Through the Eyes of a Modern Historian]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 3: 28-31. [in Russian]
- Dudarev, 2018** – *Dudarev, S.L.* (2018). Ekonomicheskoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza v XVIII v. [The economic state of the mountaineers of the North Caucasus in the 18th century]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(2): 84-93. [in Russian]
- Dudarev, 2021** – *Dudarev, S.L.* (2021). Nekotorye osobennosti upravleniya narodami Kavkaza v processe ih integracii v sostav Rossijskogo gosudarstva i gorskie prisyagi nachala XIX v. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kultura*. Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Pyatigorsk, 14–15 oktyabrya 2021 g.). Otv. red. akad. G.G. Matishov]. V 2 ch. Ch. 1. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN, 139-148. [in Russian]
- Dudarev, Dudarev, 2017** – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – sere diny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol', 402 p. [in Russian]
- Fadeev, 2003** – *Fadeev, R.A.* (2003). Shest'desyat let Kavkazskoj vojny. Kavkazskaya vojna. M.: 33-111. [in Russian]
- Gapurov i dr., 2008** – *Gapurov, Sh.A., Ispiev, I.M., Tovsultanov, R.A.* (2008). Politika Rossii v period namestnichestva I.V. Gudovicha [The policy of Russia during the governorship of I.V. Gudovich]. *Chechency v soobshchestve narodov Rossii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 420-letiyu ustanovleniya dobrososedskih otnoshenij mezhdru narodami Rossii i Chechni* (g. Groznyj, 18-20 dekabrya 2008 g.). T. 1. Nazran': 224-227. [in Russian]
- German, 2015** – *German, R.E.* (2015). Menovaya trgovlya v Central'nom Predkavkaz'e v konce XVIII – pervoj poloviny XIX v. v sisteme mer po «zamireniyu Kavkaza» [Exchange trade in the Central Ciscaucasia at the end of the 18th - the first half of the 19th century. in the system of measures to "pacify the Caucasus"]. *Kavkazskij sbornik*. 9(41): 102-113. [in Russian]
- Golovlev, 2021** – *Golovlev, A.A.* (2021). Pravoslavnye chechency i ingushi i checheno-ingushskie dvoryane [Orthodox Chechens and Ingush and Chechen-Ingush nobles]. *Problemy arheologii i istorii Kavkaza i Evropy*. K 70-letiyu S.L. Dudareva: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej. Armavir: AGPU; Stavropol': Dizajn-studiya B, 2021. Pp. 182-196. [in Russian]
- Istoriya mnogovekovykh otnoshenij..., 2009** – Istoriya mnogovekovykh otnoshenij i edineniya narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiyu okonchatel'nogo vhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. On the occasion of the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia]. Mahachkala, 2009. 752 p. [in Russian]
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza..., 1988** – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII – 1917)]. T. 2. M.: Nauka, 1988. 659 p. [in Russian]
- Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR, 1987** – Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR: S drevnejshih vremyon do nashih dne j [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic: From Ancient Times to the Present]. V 2-h t. Izd. 2-e., pererab. i dop. Ordzhonikidze: Ir, t. I, 1987. 529 p. [in Russian]
- Kavkaz, 1848a** – *Gazeta «Kavkaz»*. 1848. 3: 91. [in Russian]
- Kavkaz, 1848b** – *Gazeta «Kavkaz»*. 1848. 20: 78. [in Russian]
- Kavkaz: evropejskie dnevniki..., 2010** – Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov [Caucasus: European Diaries of the XIII-XVIII Centuries]. Sost. V. Atalikov. Nal'chik, 2010. Vyp. III. 304 p. [in Russian]
- Kavkazskij oficer..., 2011** – Kavkazskij oficer (2011). V plenu u shapsugov (2011) [Caucasian officer. Captured by the Shapsugs]. *V plenu u gorcev*. Vyp. 2. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»), 2011: 24-45. [in Russian]

Kavkazskij vektor..., 2014 – Kavkazskij vektor rossijskoj politiki. Sbornik dokumentov [Caucasian vector of Russian politics. Collection of documents]. T. II. Kn. 2. 1796–1864 gg. Sost. M.A. Volhonskij, V.M. Muhanov. M., 2014. 696 p. [in Russian]

Kazakov, 2006 – *Kazakov, A.V.* (2006). Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery. Seredina XVI – nachalo XX v. Biograficheskij spravocnik [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Governors and officers. Mid-16th – early 20th century Biographical reference book]. Nal'chik, 406 p. [in Russian]

Kazharov, 2014 – *Kazharov, V.H.* (2014). Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov [Selected works on the history and ethnography of the Circassians]. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 904 p. [in Russian]

Klychnikov, 2013 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2013). O nekotoryh diskussionnyh problemah severokavkazskoj istorii glazami issledovatelej nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova [On some controversial problems of the North Caucasian history through the eyes of researchers of the scientific and pedagogical V.B. Vinogradov's Caucasology School]. *Rossijskij Severnyj Kavkaz: problemy social'no-politicheskogo razvitiya i istoricheskogo vybora*. Materialy 18-go seminarja Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova. Armavir, 5-9. [in Russian]

Klychnikov, 2018 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2018). Sovmestnichestvo: retrospektivnyj analiz specifiky russko-severokavkazskih otnoshenij [Collaboration: a retrospective analysis of the specifics of Russian-North Caucasian relations]. Pyatigorsk: PGU, 108 p. [in Russian]

Krugov, Nechitajlov, 2016 – *Krugov, A.I., Nechitajlov, M.V.* (2016). Vooruzhennye sily imamata gorcev Severnogo Kavkaza 1829–1859 [Armed Forces of the Imamate of the Highlanders of the North Caucasus 1829–1859]. M., 176 p. [in Russian]

Ktitorova, 2015 – *Ktitorova, O.V.* (2015). Fenomen severokavkazskogo prosvetitel'stva v prelomlenii sud'by i tvorcestva Adil'-Gireya Kesheva [The phenomenon of North Caucasian enlightenment in the refraction of the fate and creativity of Adil-Girey Keshev]. Armavir-Stavropol', 232 p. [in Russian]

Kumykov, 1962 – *Kumykov, T.H.* (1962). Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserosijskij rynek [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. Nal'chik, 199 p. [in Russian]

Lapinskij, 1995 – *Lapinskij, T. (Teffik-bej)* (1995). Gorey Severnogo Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba protiv russkih. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkazcev [Mountaineers of the North Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of the eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-Bey), colonel and commander of a Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Nal'chik, 455 p. [in Russian]

Le Goff, 2001 – *Le Goff, Zh.* (2001). V podderzhku dolgogo srednevekov'ya [In support of the long Middle Ages]. Zhak Le Goff. Srednevekovyj mir voobrazhaemogo. M.: 31-38. [Electronic resource]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/goff-v-podderzhku-dolgogo-srednevekovyia.htm> (date of access: 26.03.18) [in Russian]

Lekcii po istorii..., 2017 – Lekcii po istorii srednevekovogo Vostoka [Lectures on the history of the medieval East. Ed. S.L. Dudarev]. Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 2017. 152 p. [in Russian]

Markovin, 1976 – *Markovin, V.I.* (1976). K izucheniyu srednevekovoj istorii narodov Severnogo Kavkaza [To the study of the medieval history of the peoples of the North Caucasus]. *ISKNC VSh.* 4: 12-16. [in Russian]

Matveev, 2018 – *Matveev, V.A.* (2018). Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX v. [Russian Settlement in the Caucasus: Peculiarities of Formation in the Second Half of the 18th - Early 20th Centuries]. Rostov-na-Donu; Taganrog, 240 p. [in Russian]

Milovanov, 1989 – *Milovanov, G.I.* (1989). Social'no-ekonomicheskie aspekty dvizheniya gorcev pod rukovodstvom Shamilya [Socio-economic aspects of the movement of mountaineers under the leadership of Shamil]. *Narodno-osvoboditel'noe dvizhenie gorcev Dagestana i Chechni v 20-50-h godah XIX v.* Vsesoyuznaya nauchnaya konferenciya 20-22 iyunya 1989 g. Tezisy dokladov i soobshchenij. Mahachkala: 55-57. [in Russian]

Mirzoev, 2015 – *Mirzoev, A.S.* (2015). «Pravo vojny» v svete tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov (adygov) – sociokul'turnyj aspekt («The right of war" in the light of the traditional military culture of the Circassians (Adygs) – the socio-cultural aspect). *Kavkazskij sbornik.* 9(41): 47-66. [in Russian]

Norchenko, Ajlarova, 2013 – *Norchenko, E.A., Ajlarova, S.A.* (2013). Modernizaciya Severnogo Kavkaza v 20-50-e gody XIX veka (Modernization of the North Caucasus in the 20-50s of the nineteenth century). Vladikavkaz, 284 p. [in Russian]

Otnoshenie komanduyushchego vojskami..., 2005 – Otnoshenie komanduyushchego vojskami na Kavkazskoj linii general-lejtenanta A.A. Vel'yaminova k ministru finansov grafu E.F. Kankrinu, 1835 g. [The attitude of the commander of the troops on the Caucasian line, Lieutenant General A.A. Velyaminov to the Minister of Finance, Count E.F. Cancrin, 1835]. *Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachala XX vv.* Sost. Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Liscina, B.P. Milovidov. SPb: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005: 350-354. [in Russian]

Prasolov, 2015 – *Prasolov, D.N.* (2015). Problemy transformacii etnokul'turnoj identichnosti kabardincev v XIX – pervoj tretej XX v. [Problems of the transformation of the ethnocultural identity of the Kabardians in the 19th – first third of the 20th centuries]. *Kavkazskij sbornik.* 9(41): 218-233. [in Russian]

Rossijskaya gazeta, 2011 – *Rossijskaya gazeta*. 20.01.2011. 10 (5386): 19. [in Russian]

Russkie i kavkazcy..., 2009 – Russkie i kavkazcy: po tu storonu druzhby narodov [Russians and Caucasians: Beyond the Friendship of Peoples]. Artur Cuciev [Electronic resource]. URL: <http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocID=126265&DocQuerID=NULL&DocTypID=NULL> (date of access: 15.07.2009) [in Russian]

Savenko, 2011 – *Savenko, S.N.* (2011). Kratkij ocherk istorii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (s drevnejshih vremen do serediny XV v.) [A brief outline of the history of the North Caucasian Federal District (from ancient times to the middle of the 15th century)]. *Iz istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza: Sbornik nauchnyh statej*. 3. Stavropol': 58-69. [in Russian]

Severnyj Kavkaz s drevnih vremyon..., 2010 – Severnyj Kavkaz s drevnih vremyon do nachala XX stoletiya (istoriko-etnograficheskie ocherki) [North Caucasus from ancient times to the beginning of the 20th century (historical and ethnographic essays)]. Pyatigorsk, 2010. 318 p. [in Russian]

Severnyj Kavkaz v sostave..., 2007 – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. [in Russian]

Stal', 2011 – *Stal', K.F.* (2011). Etnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic sketch of the Circassian people]. *Kavkaz: plemena, yazyk, nrauy*. Nal'chik. Vyp. VIII: 81-144. [in Russian]

Strellok, 2011 – *Strellok, N.N.* (2011). Iz dnevnika starogo kavkazca [From the diary of an old Caucasia]. Nal'chik. 60 p. [in Russian]

Tkachenko, 2017 – *Tkachenko, D.S.* (2017). Rossijskie istoriko-kul'turnye pamyatniki na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX vv. [Russian historical and cultural monuments in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. Stavropol']. 336 p. [in Russian]

Urushadze, 2010 – *Urushadze, A.T.* (2010). Imamat Shamilya i Tanzimat Osmanskoj imperii – dva tipa modernizacii [Imamat of Shamil and Tanzimat of the Ottoman Empire – two types of modernization]. *Bylye gody*. 4(18): 10-12. [in Russian]

Urushadze, 2015 – *Urushadze, A.T.* (2015). Razvitie obrazovatel'noj politiki Rossijskoj imperii i formirovanie «nacional'nyh kadrov» na Kavkaza (1845-1854 gg.) [Development of the educational policy of the Russian Empire and the formation of "national cadres" in the Caucasus (1845-1854)]. *Kavkazskij sbornik*. 9(41): 137-149. [in Russian]

Urushadze, 2018 – *Urushadze, A.* (2018). Kavkazskaya vojna. Sem' istorij [Caucasian War. Seven stories]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. [in Russian]

Velikaya, 2007 – *Velikaya, N.N.* (2007). Rossijskost' kak paradigma izucheniya rossijsko-kavkazskogo edinstva [Russian statehood as a paradigm for studying Russian-Caucasian unity]. Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. *Yuzhnorossijskoe obozrenie*. 45: 88-101. [in Russian]

Verderevskij, 2013 – *Verderevskij, E.* (2013). Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' o vos'mimesyachnom i shestidnevnom (1854–1855) prebyvanii v plenu u Shamilya semejstv pokojnogo general-majora knyazya Orbeliani i podpolkovnika knyazya Chavchavadze, osnovannaya na pokazanii lic, uchastvovavshih v sobytii. V trekh chastyah [Captured by Shamil. A true story about the eight-month and six-day (1854–1855) stay of the families of the deceased Major General Prince Orbeliani and Lieutenant Colonel Prince Chavchavadze in captivity with Shamil, based on the testimony of those who participated in the event. In three parts]. *Kavkaz: V plenu u gorcev*. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh (OOO «Poligrafservis i T»). 13. T. 2: 155-348. [in Russian]

Vinogradov i dr., 2019 – *Vinogradov, B.V., Dudarev, S.L., Prijmak, Yu.V.* (2019). Oчерki istorii formirovaniya severokavkazskoj i prichernomorskoj okrainy Rossii v konce XVII – 1783 g. [Essays on the history of the formation of the North Caucasian and Black Sea outskirts of Russia at the end of XVII – 1783]. Armavir, 210 p. [in Russian]

Vinogradov, 1977 – *Vinogradov, V.B.* (1977). O nekotoryh kriteriyah datirovki pozdnesrednevekovyh pogrebal'nyh kompleksov Severnogo Kavkaza [Some Criteria for Dating Late Medieval Burial Complexes in the North Caucasus]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly. Obshchestvennye nauki (ISKNCVSh)*. 1: 64-69. [in Russian]

Vinogradov, 2005 – *Vinogradov, B.V.* (2005). Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783-1816 gg. [The specifics of Russian policy in the North Caucasus in 1783-1816]. Monografiya. Slavyansk-na-Kubani, 384 p. [in Russian]

Vinogradov, 2008 – *Vinogradov, V.B.* (2008). Numizmaticheskie materialy v probleme hronologii i periodizacii pozdnesrednevekovoj istorii Severnogo Kavkaza [Numismatic materials in the problem of chronology and periodization of the late medieval history of the North Caucasus]. *Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)*. Armavir: 95-102. [in Russian]

Vinogradov, 2009 – *Vinogradov, B.V.* (2009). Integrativnye proekty i dezintegriruyushchie faktory v rossijsko-severokavkazskih vzaimootnosheniyah konca XVIII – nachala XIX v. [Integrative projects and disintegrating factors in the Russian-North Caucasian relations of the late 18th – early 19th centuries]. Monografiya. Slavyansk-na-Kubani, 138 p. [in Russian]

Vinogradov, Prijmak, 2016 – *Vinogradov, B.V., Prijmak, Yu.V.* (2016). Etnopoliticheskaya situaciya na Severnom Kavkaze v kontekste faktora prisoeдинeniya k Rossii Krymskogo hanstva (1772-1829 gg.)

[Ethnopolitical situation in the North Caucasus in the context of the factor of the annexation of the Crimean Khanate to Russia (1772-1829)]. Armavir, 186 p. [in Russian]

Zapiska knyazya G.R. Eristova..., 2015 – Zapiska knyazya G.R. Eristova «po upravleniyu mirnymi gorcami» (1848 g.) [Note by Prince G.R. Eristov "on the management of peaceful mountaineers" (1848)] (Publikaciya i kommentarii L.I. Cvizhba). *Kavkazskij sbornik*. 2015. 9(41): 207-215. [in Russian]

Zineeva, 2015 – Zineeva, Z.Z. (2015). Voennaya intelligenciya Severnogo Kavkaza v sobytiyah grazhdanskoj vojny [Military intelligentsia of the North Caucasus in the events of the civil war]. *Vinogradovskie chteniya*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Armavir, AGPA, 11 aprelya 2015 g.). Armavir: 157-161. [in Russian]

К проблеме периодизации конца Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Переход от Средневековья к Новому времени на Северном Кавказе является одной из наименее разработанных тем в региональной истории. Начатое археологами-кавказоведами в середине 1970-х гг. обсуждение проблемы времени завершения местного позднего Средневековья и начала новой истории дальнейшего продолжения не получило. Представленный в данной статье анализ позволяет наметить критерии наступления Нового времени в Северокавказском регионе, включающие не только экономические и политические, но и социально-ментальные параметры. К ним относятся соответственно: учет степени динамики товарно-денежных отношений, преодоления политической разобщенности, состояние включенности в российские государственные структуры, подчиненности имперским общегосударственным порядкам, с другой стороны – попытки создания собственных госструктур и институтов; эволюция доминирования родо-патриархальных ценностей и религиозного взгляда на мир, появления среди горцев интеллигенции европейского типа, в том числе такого феномена, как просветители и др. В статье автором предложены следующие хронологические рамки позднего Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе: конец XVIII – начало XIX вв. – завершение средневековой эпохи на Северном Кавказе; конец первой трети XIX в. – 1860–1870-е гг. – переходный период от Средних веков к Новому времени в истории северокавказских народов; рубеж 1860–1870-х гг. – 1917 г. – период собственно новой истории у горских народов Северного Кавказа. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали рубежными для народов региона, когда в их истории наступило новейшее время, ставшее качественно новым этапом интеграции в российское общество.

Ключевые слова: проблема периодизации конца Средневековья – Нового времени на Северном Кавказе, интеграция горцев в состав России, имаматская «модернизация», российский модернизационный проект, российскость.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)